

Еврейский обыватель в вихре мировых перемен

Виктория Валентиновна Мочалова

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Кандидат филологических наук

ORCID: 0000-0002-3429-222X

заведующая Центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН

119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А

E-mail: vicmoc@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2025.10

Аннотация. В русско-еврейской литературе 1920-х гг., представленной, в частности, романами Ильи Эренбурга, Матвея Ройзмана, Юлии Берзина, отразился образ еврейского обывателя, ввергнутого в круговорот драматических перемен, связанных со становлением молодой советской страны. Статья посвящена реакциям на эти перемены аполитичного еврейского персонажа и разнообразным стратегиям его приспособления к ним или попыткам бегства от них. Среди этих стратегий – социальная мимикрия, освоение новых норм общественной жизни, идеологических клише и языковой стилистики. В духе традиций плутовского романа еврейские персонажи проявляют способность к быстрой смене видов деятельности. Наиболее радикальным ответом на разительно изменившиеся условия существования становятся более или менее успешные попытки покинуть страну.

Ключевые слова: *русско-еврейская литература 1920-х гг., романы И. Эренбурга, М. Ройзмана, Ю. Берзина, стратегия приспособления аполитичного персонажа к политизированной действительности, социальная мимикрия*

Ссылка для цитирования: *Мочалова В. В. Еврейский обыватель в вихре мировых перемен // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2025: «Время перемен» в славянской и еврейской культурной традиции. С. 178–200. DOI: 10.31168/2658-3356.2025.10*

Перемены, происходившие в России в первые десятилетия XX в., особым образом отразились и в русско-еврейской литературе этого времени. Самым известным стал роман Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» [Эренбург 1928], вышедший в берлинском издательстве «Петрополис» и опубликованный в России спустя 61 год [Эренбург 1991]¹. Писатель отдавал себе отчет в том, что публикация этого романа в России маловероятна, о чем он писал Е. Замятину («Я кончил сатирический роман “Бурная жизнь Лазика Ройтшванца”. Боюсь, что в России не выйдет») и Е. Полонской («“Лазик” заранее обречен на заграничную жизнь...») [Попов, Фрезинский 2000, 225, 213]. Уже в первом отклике на публикацию романа в парижской газете «Дни» (от 5 февраля 1928 г.), написанном Михаилом Осоргиным, были выражены сомнения в возможности его выхода в советской России²:

Илья Эренбург написал хорошую книгу в чисто эренбурговском духе: злую и достаточно циничную сатиру на всех и вся, – и на советский быт, и на эмиграцию, и на всякое попутно попавшееся государство, какое случалось в маршруте Лазика Ройтшванца, маленького еврея из Гомеля, претерпевшего великое число житейских бурь и неудач. Эту злую и остроумную книгу Эренбурга прочесть приятно и интересно... Любопытно, кстати, возможно ли будет эту книгу переиздать в России?

Своего героя Эренбург представляет так:

...гомельский портной Лазик Ройтшванец, горемыка, которого судьба бросает из одной страны в другую. Я описал наших нэпманов и захолустных начётчиков, польских ротмистров эпохи санации, немецких мещан, французских эстетов, лицемерных англичан. Лазик, отчаявшись, решает уехать в Палестину; однако земля, которую называли «обетованной», оказывается похожей на другие – богатым хорошо, бедным плохо. Лазик предлагает организовать «Союз возвращения на родину», говорит, что он родился не под пальмой, а в милом ему Гомеле. Его убивают еврейские фана-

¹ Первая публикация была в журнале «Звезда» (1989. № 7–9).

² Подробнее о судьбе книги в России см.: Попов 1997, 222.

тики. Моего героя западные критики называют «еврейским Швейком» [Фрезинский 2013; ср. Рубашкин 1989].

Е. Полонской Эренбург писал:

Я вернулся в Париж и думаю кончить «Ройтшванца». Почему он Лазик? «Я сказал себе “лезь Лазик” и я лезу». Тебе понравился «Швейк»?³ По-моему, это замечательная книга. Меня она совершенно потрясла [Попов, Фрезинский 2000, 219].

Бесспорно, очарование Швейком проступает в тексте Эренбурга – и в многословных высказываниях Лазика, и в бесконечных историях, которые он рассказывает по тому или иному поводу, и в том, что он воспринимается окружающими как умственно неполноценный (в суде его характеризуют как дегенерата и требуют медицинского освидетельствования), и в ряде других элементов повествования, но не менее мощным источником вдохновения служит еврейский фольклор, круг традиционных представлений и верований. Например, само происхождение Лазика, чья неприличная фамилия (*ройт* на идише – красный, *шваниц* – хвост, а также вульгарное обозначение пениса) побуждает девиц краснеть и хихикать, описано – не без присущих Эренбургу иронии и сарказма – как связанное с обрядом «черной свадьбы». Такие обряды проводились на кладбищах во время эпидемий с целью остановить их зловещее распространение, для чего следовало умиловить, обмануть или рассмешить смерть⁴. Новобрачных выбирали из числа тех, кто иным путем не мог заключить брак и исполнить заповедь «плодитесь и размножайтесь», – нищих, калек. Так были избраны и родители героя:

Они нашли самого несчастного еврея, Мотеля Ройтшванца. У него не было за душой медной копейки. У него была только печальная фамилия... и они нашли самую несчастную девушку... Я не знаю, веселилась ли смерть, веселились ли евреи, ведь у жениха был кроме печальной фамилии большущий горб, а невеста была, говоря откровенно, хро-

³ Роман Я. Гашека был впервые переведен на русский в 1926 г., непосредственно перед началом работы Эренбурга над «Лазиком».

⁴ Подробнее об этом обряде см. Мочалова 2007.

мая. Я не знаю даже, кончилась ли холера, но одно я знаю, что родился я, Лазик Ройтшванец [Эренбург 1991, 12].

Этот обряд «черной свадьбы» описан в 1888 г. «дедушкой еврейской литературы» Менделе Мойхер-Сфоримом в его романе «Фишка хромой» [Менделе Мойхер-Сфорим 1961, 348–349], и Эренбург наследует эту традицию, уже на русском языке.

Другое значимое событие в судьбе героя Эренбурга – его смерть – также сопровождается пересказом известной хасидской притчи о несмышленом ребенке, нарушившем в Судный день святость синагогальной службы игрой на дудочке [Эренбург 1991, 204–207]. Это возмутило молящихся, однако Баал-Шем-Тов одобрил поступок ребенка, вызвавший «улыбку бога» и в итоге отвративший жестокий приговор [подробнее об этом сюжете см.: Мочалова 2019]. Так этими традиционными рассказами закольцовывается сюжет жизни бедного Лазика, простодушие которого ставит его наравне с невинным ребенком и контрастно оттеняет жестокость окружающего мира.

В период работы над романом в конце двадцатых годов, как вспоминает Эренбург, он познакомился

на Монпарнасе с еврейским писателем из Польши Варшавским, с его друзьями. Они мне рассказывали смешные истории о суевериях и хитроумии старозаветных местечковых евреев. Я прочитал сборник хасидских легенд, которые мне понравились своей поэтичностью. Я решил написать сатирический роман [Эренбург 1990, 100].

Работая над этим сатирическим романом в Париже и Бретани, Эренбург намеренно обращается к традиции еврейской мудрости – «для чего окружал себя хасидами, талмудистами и пр. Это – современность глазами местечкового еврея» [Попов, Фрезинский 2000, 213].

Ответ еврейского «маленького человека» на происходящие мировые перемены – это не только протезизм как способность приспосабливаться к изменчивой реальности в сочетании с предприимчивостью, но и неискоренимая склонность интерпретировать события в библейской или талмудической перспективе. Как справед-

ливо указано в аннотации к книжному изданию этого романа, его герой, «мужеский портной из самого обыкновенного Гомеля», воплощает в себе задорную и колючую мудрость Йозефа Швейка и ветхозаветную – в интерпретации бабелевских ребя Арье Лейба и ребя Мотэле⁵.

Исследовательница русского плутовского романа 1920-х гг. отмечает такие свойства еврейского пикаро, к которым она относит и Лазика, как специфические национальные характеристики (космополитизм, протейность, предприимчивость, остроумие). Первые две черты характера позволяют ему выживать и ассимилироваться в любой национальной и культурной среде, одновременно сохраняя самоидентичность. Коммерческая жилка такого персонажа, как правило, определяет род его профессиональной деятельности: чаще всего это бывший коммивояжер, ставший в годы нэпа коммерческим воротилой. Остроумие еврейского героя составляет значительный пласт комедии плутовского романа, в текст которого вводятся еврейские пословицы и анекдоты, двухголосое стилизованное слово (еврейский «суржик») [Миленко 2006, 79]. Если Лазик не вполне соответствует образу хитроумного плута, представляя собой скорее комическую фигуру простака, то также относящиеся к бурным 1920-м гг. романы Матвея Ройзмана⁶ «Минус шесть» (1925, опублик. 1928)⁷ и «Форд» (1928) Юлия Берзина⁸ допустимо отнести к традиции именно плутовского

⁵ В автобиографическом очерке Эренбург признает: «И. Э. Бабель был моим большим другом, его ум и сердце не раз меня приподымали» [Эренбург 1983, 19]. Бабель был одним из самых любимых писателей Эренбурга; ему посвящены многие страницы 3-й книги «Люди. Годы. Жизнь»; см. также: Пирожкова 2002. «После революции в русскую литературу вошли яркие, несдержанные, насмешливые и романтические южане; они нас слепили, смешили, вдохновляли – Бабель, Багрицкий, Паустовский, Катаев, Светлов, Зощенко, Ильф, Петров, Олеша...» [Эренбург 1990, 283]. «В середине 20-х годов Эренбург был буквально зачарован Бабелем. Попытка подражать ему <...> в романе о Лазике становится главной движущей пружиной» [Маркиш 2021, 286].

⁶ *Матвей Давидович Ройзман* (1896, Москва, – 1973, там же) – поэт-имажинист, прозаик, мемуарист.

⁷ *Минус шесть* – так называлась принятая в СССР репрессивная мера, предусматривающая за определенные правонарушения запрет проживания в шести крупных городах.

⁸ *Юлий Соломонович Берзин* (1904 – 11.IV.1942) – прозаик, драматург, по образованию юрист. В начале 1920-х гг. служил в Красной Армии. Литературным трудом занимался с 1926 г., входил в литературную группу «Смена». В 1938 г. был

романа, исторически возникающего на сломе эпох. Отдаленные примеры в европейской литературе связаны, в частности, с «Гусманом де Альфараче» или «Ласарильо из Тормеса», но и в русской литературе традиция плутовского романа прослеживается, побуждая исследователей обнаруживать ее присутствие в «Мертвых душах» [Егоров 1978]. Примечательно, что эту традицию подхватывает М. Булгаков, считавший Гоголя своим учителем и написавший сатирическую повесть «Похождения Чичикова» (1922), перенеся действие в советскую Россию, и дважды транспонировавший «Мертвые души» – на язык театра (в комедии по поэме Гоголя для постановки МХАТа, 1930 г.) и кино (киносценарий для Союзфильма «Похождения Чичикова, или Мертвые души», 1934 г.)⁹.

Плутовство в произведениях Ройзмана и Берзина как элемент социальной мимикрии, выступающее в форме выдавания себя за кого-то другого, в атмосфере всеобщей мимикрии неизбежно приобретает характер пародии на притворство всего общества [см. Щеглов 2009, 19].

Рассматриваемые художественные тексты могут служить историческими свидетельствами и атмосферы времени, и реакции коммерческих кругов на происходящее, и умонастроений еврейского «обывателя», так называемого маленького человека, образ которого в перспективе сражения Давида с Голиафом приобретает особую оркестровку. Тщетно пытающийся завоевать сердце девушки Лазик, чей карликовый рост представляется ему главной причиной его проигрыша более успешному сопернику Шацману, готовит именно этот аргумент для своей предполагаемой речи, апеллируя к библейскому образцу:

Он сегодня скажет ей все. Он скажет ей, что Давид был маленький, а Голиаф большая дубина вроде этого Шацмана. Он скажет ей, что соловей гораздо меньше индейского пету-

арестован по обвинению в участии в антисоветской праворадикальной организации среди писателей Ленинграда; уже в лагере в 1942 г. был обвинен в антисоветской пораженческой агитации и расстрелян. По первому делу был реабилитирован в 1957 г., по второму – в 1990 г. Был не только репрессирован автор, но и был конфискован этот его роман, поскольку в нем упоминались спектакли Мейерхольда, рассказы Бабеля и имя Троцкого [Блюм 2003].

⁹ О характерных для эпохи перипетиях осуществления булгаковских замыслов и интерпретации гоголевского текста см.: Соколов 1997, 332–340.

ха. Он скажет ей и вполне по-современному, что маленькое организованное меньшинство побеждает или хотя бы временно гибнет [Эренбург 1991, 7].

Герой романа Ройзмана, бывший московский купец первой гильдии Фишбейн, пророчит грядущее торжество еврейского купца над превосходящими силами противника, над презируемой новой властью:

О чем думают эти умники? Они думают, что все купцы, как мой Наум, возьмется со своими шишками! Извините, купцов не так легко прижать! Они обернут вас вокруг каждого пальца пять раз! Под купцовскую дудку плясал пристав, генерал-губернатор, сам Николай! Нашу песенку пели такие пройдохи, как Столыпин, Родзянко, Гучков, Милюков, – пальцев не хватит сосчитать! А вы? Что вы? Кто вы?.. – Еще вопрос – кто кого? [Ройзман 1928]¹⁰.

Окружающая резко изменяющаяся действительность весьма критически воспринимается еврейскими персонажами этих произведений и описывается ими в земной, часто коммерческой перспективе.

Когда в Москве в первый раз произнесли: Ленин, – все купцы всех гильдий уже были живыми покойниками! Мы ходили, торговали, вертели, ругали большевиков, а с нами считались, как извозчик с лошадьё! Нам нахлестывали в бока, в зад, под брюхо, и мы тащили свои сани, обходили канавы, глыбы и спотыкались о камешек! [Ройзман 1928].

Примечательно, что Ройзман использует не только прямую речь героя или комментарий повествователя, но и элементы сказа, отражающего лексику идеологической пропаганды того времени.

Что происходило в то время? Кровь отчаянных бойцов орошала землю Украины, Кавказа и Крыма. Из республики

¹⁰ В связи с труднодоступностью бумажного издания романа Ройзмана я пользовалась его интернет-версией [Ройзман 1928], что не позволяет отражать при цитировании нумерацию страниц.

еле уносили ноги генералы, адмиралы и батьки. Американские и европейские корабли покидали негостеприимные берега. Флаги – эти кумачевые огни революции – ярче играли в советской стране. Ленин подымал руку на новых недругов: на голод, холод и разруху [Ройзман 1928].

Антивоенные ноты звучат у Ройзмана в таких зарисовках с натуры:

На стенах были расклеены плакаты, с плакатов громко зывал красноармеец: Всеобщее военное обучение – залог победы пролетарской революции! А его живой двойник, уронив костыль, бился на панели, и женщины смотрели на припадок, на эту единственную награду войны [Ройзман 1928].

Эренбург отмечал наличие «талмудического» ключа к своему тексту в письме к Е. Замятину:

Пишу сатирический роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца», нечто талмудическое [Попов, Фрезинский 2000, 204].

И в письмах к Е. Полонской:

Начал роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» – современность с талмудической точки зрения. Кажется, весело [Попов, Фрезинский 2000, 204].

В Париже я начал сатирический роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» и довел его до половины. <...> Для чего окружал себя хасидами, талмудистами и пр. Это – современность глазами местечкового еврея. Метод осмеяния – чрезмерная логичность [Попов, Фрезинский 2000, 213].

Однако современность как-то отдалилась от талмудической учености, что также отмечает Эренбург, иронически наделяя своего героя собственной отстраненностью от религиозности:

Смешно подозревать Лазика в каких-то суевериях. Ему не было и тринадцати лет, когда он понял, что талес никому

не нужен и что лучше найти на дороге двести тысяч или хотя бы три рубля. Он понял, что человек создан из обезьяны, а не из какого-то «подобья», что оперетта гораздо интереснее хоральной синагоги, что Гершанович большой жулик, что ветчина с горошком ничуть не хуже говядины с черносливом и что вообще теперь настоящий двадцатый век [Эренбург 1991, 13–14].

Талмудическая перспектива проступает в эпизодах, где персонажи пытаются интерпретировать действительность, как это происходит, например, в романе Ройзмана:

В талмуде есть место, где сказано, что в 1914 году будет великая война. – А в талмуде не сказано, когда кончатся большевики? Шамес отрицательно покачал головой: – Во время второго храма у нас тоже были большевики: зейлотим¹¹. Тогда мы имели Интернационал из ремесленников, рабов и всех капционим!¹² [Ройзман 1928].

Комической отсылкой к библейским текстам, отражающим некие константы этого мира («Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас» [Еккл 1: 9–10]), служат, например, такие фрагменты романа Ройзмана:

Во время батюшки-царя была голодуха, и у этих жрать нечего [Ройзман 1928].

...китайцы продавали че-су-чу, – продают, цыгане гадали и крали кур, – гадают и крадут! [Ройзман 1928].

Булгаковский Чичиков, появившийся в советской Москве, также отмечает некие константы местного бытия. Въехав в ту же гостиницу, из которой он выехал сто лет тому назад, он замечает, что в ней всё

¹¹ *Зелоты* (из греч.) – букв. «ревнители», религиозное движение в Иудее в I в. до н.э.

¹² *Капционим* (ид.) – бедняки.

решительно было по-прежнему: из щелей выглядывали тараканы и даже их как будто больше сделалось, но были и некоторые измененьца. Так, например, вместо вывески «гостиница» висел плакат с надписью: «общезитие № такой-то» и, само собой, грязь и гадость была такая, о которой Гоголь даже понятия не имел [Булгаков 1990, 140].

Комической отсылкой к библейскому тексту у Эренбурга служит обыгрывание слов Екклезиаста («Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит» [Еккл 1:5]), контрастное сопоставление вечного и временного:

Прыщик всходит и заходит, как какой-нибудь гомельский комиссар [Эренбург 1991, 5].

Сопоставление прошлого и настоящего у авторов рассматриваемых текстов выполняет и еще одну существенную задачу. Как показывает исследование романов Ильфа и Петрова и их центрального персонажа, уже сам литературный архетип подобных плутовских героев слишком широк по своему философскому замыслу, чтобы быть орудием,

наведенным на какую-либо одну политическую мишень. Бюрократизм, лозунги, идеологические кампании, хозяйственный хаос сегодняшней России для Остапа суть лишь различные формы многоликой мировой глупости в одном ряду с монархическими прожектами, раздорами в коммунальной квартире или личными чудачествами. Новое и старое осмеиваются «на равных», часто в один прием, в рамках одной фразы или остроты. Как в житейской, так и в знаковой сфере герой Ильфа и Петрова обобщает заданную ему эпохой циническую модель, пренебрегая различием между царскими и советскими, частными и официальными фетишами, имея одинаковые способы обращения с идиотизмом всех цветов и рангов. Нет сомнения, что подобное уравнивание советской парадигмы со всем прочим, отрицающее ее заявку на историческую исключительность, есть наиболее подрывной по отношению к социализму элемент бендеровской сатиры [Щеглов 2009, 22].

Показательна дискуссия, происходящая в романе Ройзмана на пасхальном седере. Личность советских вождей рассматривается либо в национальном еврейском контексте («Интересно знать: Троцкий тоже ест мацу?»), либо в сопоставлении с выдающимися историческими деятелями («Не шутите Троцким... это второй Наполеон!»), либо в библейской перспективе:

– А я скажу: нет! – заявил вдруг рэб Залман, отрываясь от куриного горлышка. – Ленин, подобно Моисею, пишет скрижали, Свердлов, подобно Арону, говорит устами Ленина, Троцкий... Что представляет из себя Троцкий? Он ни больше, ни меньше, как Иошуа Навин! Когда Ленин, подобно Моисею, подымает руки, Троцкий побеждает и побеждает язычников! [Ройзман 1928], (ср. Исх 17).

Еврейские персонажи по-своему откликаются на происходящие перемены, отмечая их зыбкость и преходящность. У Эренбурга Лазик, который, по его подсчетам, пережил восемь разнообразных режимов, пытается продать свою старую вывеску новому владельцу помещения, превознося преимущества добротного качественного изделия по сравнению с непрочными меняющимися режимами:

...хороший довоенный материал, и она выдержала восемь разнообразных режимов. На ней стояли смешные твердые знаки и даже какая-то петлюровская завитушка [Эренбург 1991, 35].

Герой Ройзмана, Арон Соломонович Фишбейн, староста московской хоральной синагоги и успешный коммерсант, готов противостоять новым хозяевам жизни, которые, по его оценке, не заслуживают ни уважения, ни доверия:

Поговоришь с этими махерами! Приехали в запломбированном вагоне, наговорили, наобещали, а теперь отбирают последнее! Ну, господа, Фишбейна голыми руками не возьмешь! [Ройзман 1928].

Еврейские персонажи упомянутых произведений единодушны в негативной оценке происходящих перемен.

Приехали разные коммивояжеры и стали комиссарами. Люди для них вроде образчика: подошел – хорошо, не подошел – вон из преискуранта! Это называется идея! И главное – отбери, сажай, но живи сам! Ни себе, ни людям! У меня на службе коммунисты, – разве они живут? С голоду околевают, ходят в вонючих куртках, в обмотках! Что же удивляться, если порядочные люди бегут, куда глаза глядят! [Ройзман 1928].

...говорят, на Волге людей едят! Опять же православную церкву грабят: вот у Пятницы Прасковее все иконы испоганили, золотой алтарь поободрали! Кабы пошло мужику, а то, небось, все по рукам! [Ройзман 1928].

– У нас тоже закрывают синагоги. Отбирают серебряные подсвечники, а им красная цена – сотня! А почему им не отбирать? Они сами себе правительство, сами себе народ! [Ройзман 1928].

Оказавшись в круговороте событий, оцениваемых ими весьма негативно, персонажи этих произведений тем не менее применяют различные стратегии приспособления к бурно меняющемуся миру. И герой Эренбурга «как человек нашего бурного¹³ времени, быстро привыкал к любой жизни»¹⁴ [Эренбург 1991, 16].

Реакцией на переменчивость мира становится способность к мгновенной смене сфер деятельности и ее многообразие, как это свойственно для жанра пикарески. Лазик не только перемещается по миру, проходит через 19 тюрем, но и подвизается на самых немислимых работах: обезьяной в аттракционе, разводчиком (мнимым) кроликов, продавцом противовенерических брошюр, киноактером, честным кандидатом Харчсмака, писателем-бдистом¹⁵,

¹³ Эпитет «бурный» часто встречается в этих текстах для передачи контраста между изменчивой реальностью и стабильностью, обеспечиваемой близостью к традиционному укладу и коммерческой солидности.

¹⁴ Вспомним слова Евгения Евтушенко об Эренбурге: «Он всех нас научил искусству выживать» [Маркиш 2021, 241].

¹⁵ Имеется в виду литературная группа «Бди». В 1927 г. Эренбург писал Лидину: «Я кончил свой роман. Несчастный Ройтшванец умер и лежит в могиле. У него была действительно бурная жизнь. Например, в Париже он был художником и гастрономом. В Москве – критиком и товарищем “Бди”, т. е. – контролируй. Он был “бдистом”» [Попов, Фрезинский 2000, 224].

живой рекламой в аптеке, торговцем контрабандным сукном, а под конец – плакальщиком у Стены Плача.

Персонаж Берзина, бывший фабрикант и купец 1-й гильдии, почетный гражданин города Двинска Михаил Моисеевич Шарфштейн, разорившись после революции, начинает торговать на нижегородской толкучке готовым платьем, табаком, казенным обмундированием, рыжиками, сахарином и патентованными резиновыми подметками. А после наступления НЭПа возвращается к своей прежней деятельности [Берзин 1927, 30].

Предприимчивый доктор-гинеколог, персонаж Ройзмана, одинаково хорошо разбирался в образцах соли и каракуля, в платине и валенках, в аннулированных николаевках и ордерах на обувь и ловко ими торговал, назначая твердую цену.

Перемены в представлении героя Ройзмана носили декоративный характер, были элементом социальной мимикрии:

Не на своей ли шкуре выучился Фишбейн приспособляться ко всем и ко всему? Фишбейн сменил пиджак на толстовку, брюки на рейтузы, штиблеты на сапоги и зашагал по этому пути... У своих дверей Фишбейн вывесил охранную грамоту, Цецилия убрала в сундуки вазы, статуэтки, картины, надела на мебель чехлы и пересадила золотых рыбок из аквариума в банку. Фишбейн снял с письменного стола серебряный чернильный прибор, снял ковер, и на те крючки, где раньше висели портреты Наполеона, Надсона и Керенского, повесил портреты вождей пролетариата [Ройзман 1928].

На перемены времени как на смену декораций отвечает и герой Эренбурга, составляя у себя новый иконостас. Галерея Лазика состояла из сотни портретов, вырезанных из «Огонька», хотя обычно «гомельские портные любят украшать стены разными испанскими дезабилье. Но Лазик был не дурак», и его стены были покрыты портретами пензенского делегата «Доброхима», пролетарского барда Шурки Бездомного¹⁶, представителей «международных секций» –

¹⁶ Видимо, Александр Безыменский. Маяковский, выстраивая иерархию современных поэтов в «Юбилейном», упоминает его пренебрежительно: «Ну, а что вот Безыменский?! Так... ничего... морковный кофе». Известна ходившая по рукам эпиграмма на Безыменского: «Волосы дыбом, зубы торчком, старый дурак с комсомольским значком». По оценке Вольфганга Казака, Безыменский

например, бича португальских палачей Мигуэля Тракаицы. И наконец – «закоренелый боец, товарищ Шмурыгин» – испытанный вождь гомельского пролетариата [Эренбург 1991, 4].

Способность к социальной мимикрии проявляется и в освоении еврейскими персонажами этих текстов принятых идеологических клише и пропагандистских лозунгов, в ловком манипулировании ими, искусством которого блистательно владел Остап Бендер.

Лидером приспособления и преобразования становится у Ройзмана реб Залман, старый шамес зарядьевской синагоги, он же – немного комиссионер, немного сват, ибо чего только «ни делает еврей, когда у него жена и пятеро детей?», долгов у него было больше, чем денег, а денег было «столько, сколько у нашего раввина свиней» [Ройзман 1928]. Однако в наступившие времена новой экономической политики реб Залмана, ранее носившего пальто, на котором были заплаты и не было ни одной пуговицы, невозможно узнать:

Сегодня ни шабес, ни ёмтов¹⁷, а на нем новый котелок, шуба с котиковой шалью, желтые лайковые перчатки, и шагает он не так, как раньше: несет высоко голову, не смотрит ни на кого и курит не какую-нибудь папиросу, – сигару курит рэб Залман! За ним по мостовой тащутся ломовые сани с упакованными кусками мануфактуры. В кармане у рэб Залмана нужные документы, тщательно написанные счета и даже немного денег. В лавке «Центроткани» его встречает Фишбейн: Здравствуйте, гражданин Залманайтис! <...> Сегодня рэб Залман – литовский поданный [Ройзман 1928].

Коммерческая перспектива оценки происходящего очевидным образом присутствует в этих текстах. Бывший коммивояжер, а затем нэпман Константин (ранее Калман) Исаакович Форд суммирует свой опыт:

«писал тенденциозные стихи на злобу дня, всегда отвечавшие партийной линии и наполненные радостным оптимизмом. В результате это – не более чем рифмованная журналистика» [Казак 1996, 40]. Отношение Лазика к поэзии Бездомного двойственное – с одной стороны, он понимает значение ставших каноническими текстов, с другой – не может не относиться к ним критически: «Он вызубрил наизусть шестнадцать стихотворений знаменитого пролетарского барда Шурки Бездомного о каких-то ненормальных комбригах, которые «умирают с победоносной усмешкой на челе»» [Эренбург 1991, 4].

¹⁷ *Йом тов* (ивр.) – праздник.

Я увидел столько людей, – у вас в двадцать втором году столько рублей не было, сколько людей я видал <...> И я пришел к такому убеждению: людей на свете миллионы <...> а все они делятся только на два сорта: с которыми можно дело делать и с которыми нельзя дело делать [Берзин 1927, 14].

И именно к этому сорту Константин Форд относит пришедших к власти коммунистов. Основное противоречие между предприимчивыми бенефициарами «новой экономической политики» и коммунистическими идеологами выражено в монологе заглавного героя романа Берзина:

Ну, скажите, пожалуйста, комиссар, разве мы при нашей бесхозяйственности что-нибудь сделаем? Государство, ну какой оно хозяин, – государство? Партия, – разве это ее дело заниматься хозяйством? Я смотрю так! Америка! Вот у кого мы должны учиться, комиссар! Вы читали книжку Форда: «Моя жизнь и мои достижения»? Это же прямо-таки восхищение! Это же что-нибудь особенное! Каждая копейка, каждый грошик приносит свою прибыль! Каждый гвоздик на месте, ни одна волосинка не пропадет даром! Вот это, я понимаю – хозяйство! Вот это, я понимаю – человек! Вот это, я понимаю – гений! Вот у такого мы должны учиться! А мы что? Мы строим социализм ...

– Вы строите социализм? – усмехнулся Андрей.

– Ну, пусть будет, вы строите социализм, – ответил Форд в тон – пусть будет, вы! Поверьте мне, комиссар, что я тоже не враг какой-нибудь этому социализму. Я даже, может быть, вполне сочувствую идее коммунизма. Но разве вы можете знать, что у меня на сердце? Разве вы мне поверите, если я вам скажу, что да? Кто я в ваших глазах? Нэпман, торговец, и вообще такой элемент, которому нельзя ни верить, ни доверять и который, вообще, хуже всякой собаки! А это напрасно, могу вас уверить, комиссар! Я не такой человек. Но я люблю людей, с которыми можно дело делать! Я сам умею дело делать! Я прежде всего человек деловой! А что сейчас больше всего нужно нашей России? Деловые люди! Форд, а не, простите за выражение, губсовнархоз. Вот именно, что нам сейчас нужно [Берзин 1927, 67–68].

Герой Ройзмана сравнивает настоящее и выдвинувшихся в нем людей с ушедшей эпохой и ее деятелями.

Романов в самом деле отказался от верного дела и оно перешло в руки Керенского. Любезный Александр Федорович, сам того не зная, много хорошего сделал Фишбеину: во-первых, Фишбеина избрали председателем домкома [Ройзман 1928].

Теперь на первом месте знакомство с большевистским генералом. Раньше я страховался от огня. Почему мне не застраховаться от советской власти? [Ройзман 1928].

У коммерсанта нет веры в прочность положения новой власти:

Временное правительство сделало выкидыш на восьмом месяце. Почему это правительство не временное и не выкинет на шестом? Новая власть – новые деньги – новый расчет! Давайте немного подождем! [Ройзман 1928].

Пряча товар от новых властей, герой Ройзмана говорит:

Как с немцами воевал! Спасибо, что вы, рэб Залман, научили меня! Нам, николаевским, это и в голову бы не пришло! Двадцать лет я работал, как лошадь, имел приличную фирму, продавал товар и какой товар – цымес! И ни с того, ни с сего – все кидер-видер! [Ройзман 1928].

Упомянув Керенского, Фишбеин сокрушается:

Если бы он премьерствовал, <...> мы бы себе торговали и торговали! Скажите, какое равноправие! Эти голоштанники хотят сделать всех одинаковыми нищими! Они спросили меня, – хочу я быть нищим? А если я не хочу? Они взяли власть и пусть держат ее на здоровье... [Ройзман 1928].

Сравнение настоящего и прошлого – отнюдь не в пользу первого, и отношение новых властей к деловым кругам оценивается как отрицательное, контрастирующее с тем, каково оно в международном контексте, и это не предвещает благоприятного будущего развития нового государства:

Плевать они хотят на нас. Им нужен рабочий, крестьянин, красноармеец! А мы нужны Германии, Англии, Америке – всему миру нужны, только не им! <...> такие голяки на что хочешь пойдут, только бы власть удержать и крутить народ, как волчок! – А я тебе говорю: плохо их дело! <...> Кабы хорошо было, не отымали б у нас лавки. На бумажках да на пайках век не насидишься! Из дерьма, прости господи, пули не отольешь! [Ройзман 1928].

Еврейские персонажи отдают себе отчет в новой роли в наступивших временах их единоверцев, с которыми они оказываются по разные стороны баррикад:

Приехали неизвестные люди из Одессы, Смоленска, Грязовца, черт знает откуда! И каждый сапожник, каждый портной стал комиссаром [Ройзман 1928].

Герой Ройзмана гневно протестует против возможного отождествления его с этими «новыми евреями», ссылаясь на свои и своей семьи былые заслуги:

Мой дедушка – николаевский солдат, двадцать пять лет служил царю, имел медали, получил ефрейтора. Я купец первой гильдии, никогда не объявлял неплатеж... Надо отличать меня от вольных еврейчиков, – они все наvertели, и все дела на их голову! [Ройзман 1928].

Он вообще отказывает им в праве считаться евреями («Это не евреи, а голодранцы! Вместо субботы, они сделали наоборот: суббота!»), и при этом недоумевает по поводу прощальных почестей, воздаваемых одному из этих «новых евреев», которого он уподобляет евреям вообще: когда Москва «трогательно простилась» с первым старостой республики,

Фишбейн тоже побывал в Доме Союзов, посмотрел на чернобородого Свердлова и потом пожимал плечами: Не понимаю, из-за чего такое волнение? Такой парад? Лежит себе еврей, как все евреи! [Ройзман 1928].

Наиболее радикальной реакцией на происходящие перемены и вместе с тем их оценкой, которую прямо формулирует персонаж Ройзмана («Я могу избавиться от вечного волнения за квартиру, за Додю, за мебель, за жизнь, – за что угодно! В этой вшивой России со мной не считаются. Что хотят, то и делают. Отчего мне не сделать, что я хочу?»), становится бегство или намерение уехать из страны, дискуссия возникает лишь при обсуждении направления:

– Я не знаю, может быть, мне тоже уехать? – спросил Наум <...> – Я бы очень хотел поехать в Палестину!

– В Палестину? – удивился Фишбейн. – Если бы я продал свой товар, я поехал бы в Париж, и только в Париж! Там Поляковы, Бродские, Жаботинские – сливки еврейского народа! Они дожидаются своего, – почему мне не дождаться с ними? Что вы скажете на это, рэб Залман?

– Я скажу так, – слегка нараспев начал он, – умный банкир прячет свои деньги в разных сейфах: если в одном украдут, в другом останетса. Господь бог видел, как бьют евреев, и спрятал их в разные страны: в одной убьют, в другой уцелеют! [Ройзман 1928].

(Исходя из этого умозаключения, сам рэб Залман уезжает не туда, где собрались «сливки еврейского народа», а в Литву.)

Смысл перемещения в Париж циничного героя может варьироваться, причем на диаметрально противоположный – от ожидания прихода машиаха в обществе своих соплеменников до финансирования «великого дела» возрождения России, а доминантой остается само движение.

С этим бриллиантом я могу уехать в любую страну. Я продам все, что у меня есть, куплю еще два, в крайнем случае, три бриллианта, получу от Траура командировку и сяду с семьей в поезд. Куда я поеду? Куда глаза глядят! В Париж. Прямо к великому князю Николаю Николаевичу. Приеду и скажу: «Ваше высочество! Я был форменным идиотом, что надеялся на честность этих разбойников с большой дороги! Они все у меня отняли, сына угнали на фронт, брат убежал в Палестину, а жена из-за них получила блудящую почку! Я прошу вас, ваше высочество, примите мои последние деньги на великое дело и выдайте гарантированный вексель» [Ройзман 1928].

Скитания героя Эренбурга по разным странам подводят к выводу о том, что весь мир – тюрьма, в тюремном заключении оказываются и персонажи романа «Форд», затем высылаемые на Соловки [Берзин 1927, 180–187], а герой Ройзмана приговорен к запрету проживания в шести крупных городах.

В заключительной главе романа «Форд» автор намекает на генеалогическую связь своего текста с жанром авантюрного романа, упоминая, что его «герой окажется без необходимого плаща, шапки и шпор» [Берзин 1927, 207].

Можно было бы провести параллель между героями рассмотренных текстов и персонажами произведений Шолом-Алейхема «Менахем-Мендл» и «Тевье-молочник» или «Путешествия Вениамина III» Менделе Мойхер-Сфорима и отметить их сходство в предприимчивости и пространственной динамичности, однако существенное различие будет заключаться в степени добровольности/недобровольности их скитаний. Если «еврейский Дон-Кихот» Вениамин III мечтает о дальних странах, путешествии в Эрец-Исраэль, а Тевье спасается от угрозы погрома, то перемещения в пространстве персонажей Эренбурга, Ройзмана и Берзина скорее оказываются вынужденными.

Еврейские персонажи Эренбурга, Ройзмана и Берзина представлены в их романах страдающими в результате революционных перемен в стране, поставленными в непривычные и трудные ситуации, из которых они пытаются – с большим или меньшим успехом – выбраться, полагаясь то на библейскую или талмудическую мудрость, то на практику предпринимательского поведения, то на приемы социальной мимикрии, то на быструю смену профессиональных занятий. В целом их оценка происходящих перемен остается негативной, они критически относятся к изменившейся реальности, ощущают ее опасность и мобилизуют – далеко не всегда успешно – всю свою предприимчивость и экзистенциальную активность для противостояния нежелательному ходу событий. Наиболее радикальным в репертуаре их поведенческой стратегии является бегство из страны (или мечта о нем), что удается реализовать лишь некоторым из них – хитроумному авантюристу романа Берзина, Константину Исааковичу Форду, типологически сопоставимому с Остапом Бендером, успешно преодолевающим все преграды и перебравшемуся в Латвию, персонажам Ройзмана – пред-

приимчивому плуту Карасику, уехавшему в Варшаву и шамесу Залману, ставшему в Литве Залманайтисом. Тех же персонажей, которым недостает хитроумности и плутовства, как незадачливому роизмановскому Науму Шарфштейну или Лазику Эренбурга (оба – простаки и неудачники), отправившихся в Святую Землю, ждет там жестокое разочарование. И лишь заглавный герой романа Берзина, изобретательный плут, уже за границей планирует свои дальнейшие похождения и гешефты, о чем свидетельствует его финальная фраза в романе:

Это дело даст сто процентов прибыли [Берзин 1927, 209].

Литература и источники

- Берзин 1927 – *Берзин Ю. С.* Форд. Л.: Прибой, 1927. 126 с.
- Блюм 2003 – *Блюм А. В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2003. 404 с.
- Булгаков 1990 – *Булгаков М. А.* Похождения Чичикова : повести, рассказы, фельетоны, очерки 1919–1924 гг. М.: Современник, 1990. 590 с.
- Егоров 1978 – *Егоров Н. В.* «Мертвые души» и жанр плутовского романа // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1978. Т. 37. № 1. С. 31–36.
- Казак 1996 – *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века / пер. Е. Варгафтик и др. М.: РИК «Культура», 1996. XVIII, 492 с.
- Маркиш 2021 – *Маркиш Ш.* Непрошедшее прошлое. Собрание сочинений Шимона Маркиша / сост. Z. Hetenyi. Т. 5. Русско-еврейская литература. Ч. 3. Примеры и выборы. XX век. И. Бабель, В. Гроссман, И. Эренбург, В. Жаботинский. Budapest: ELTE – MűMű. 361 с.
- Менделе Мойхер-Сфорим 1961 – *Менделе Мойхер-Сфорим.* Маленький человечек. Путешествие Вениамина Третьего. Фишка Хромой / пер. М. Шамбадала. М., 1961. 517 с.
- Миленко 2006 – *Миленко В. Д.* Еврейский тип в системе образов русского плутовского романа 1920-х годов // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди. Вип. 4 (48). Харків: ППВ «Нове слово», 2006. С. 79–87.
- Мочалова 2007 – *Мочалова В. В.* Исцеление, спасение, избавление в еврейской традиции и магическая практика (еврейский обряд кладбищенской свадьбы и его славянские параллели) // Народная медицина

- и магия в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Сэфер, Институт славяноведения РАН, 2007. С. 89–109. (Академическая серия. Вып. 21).
- Мочалова 2019 – Мочалова В. В. Вещь – символ: миграция и трансформация сюжета // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2019: Вещь – символ – знак в славянской и еврейской культурной традиции. С. 149–156. DOI: 10.31168/2658-3356.2019.9
- Пирожкова 2002 – Пирожкова А. Н. Бабель и Эренбург // Вопросы литературы. 2002. № 6. С. 319–341.
- Попов 1997 – Попов В. В. М. А. Осоргин и И. Г. Эренбург // Русская литература. 1997. № 2. С. 203–223.
- Попов, Фрезинский 2000 – Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург в 1924–1931 гг. Хроника жизни и творчества (в документах, письмах, высказываниях и сообщениях прессы, свидетельствах современников). Т. 2. СПб.: БАН, 2000. 366 с.
- Ройзман 1928 – Ройзман М. Минус шесть. М.: Московское товарищество писателей, 1928. 219 с. https://royallib.com/book/royzman_matvey/minus_shest.html
- Рубашкин 1989 – Рубашкин А. Швейк из Гомеля (о романе «Бурная жизнь Ластика Ройтшванца») // Звезда. 1989. № 9. С. 170–173.
- Соколов 1997 – Соколов Б. Булгаковская энциклопедия. М.: Локид-Миф, 1997. С. 332–340.
- Фрезинский 2013 – Фрезинский Б. Об Илье Эренбурге. Книги. Люди. Страны. М.: НЛО, 2013. 326 с.
- Щеглов 2009 – Щеглов Ю. Романы И. Ильфа и Е. Петрова. Спутник читателя. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2009. 656 с.
- Эренбург 1928 – Эренбург И. Бурная жизнь Ластика Ройтшванца. Берлин: Петрополис, 1928. 271 с.
- Эренбург 1983 – Эренбург И. Старый скорняк и другие произведения / Сост., послесл. и примеч. М. Вайнштейн. Кн. 1. [Тель-Авив]: Память, 1983. 368 с.
- Эренбург 1990 – Эренбург И. Люди. Годы. Жизнь: Воспоминания в трех томах. Т. 3. М., 1990. 496 с.
- Эренбург 1991 – Эренбург И. Бурная жизнь Ластика Ройтшванца: Роман. М.: Советский писатель, Олимп, 1991. 208 с.

The Jewish Layman in the Whirlwind of Global Change

Victoria Mochalova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
PhD

ORCID: 0000-0002-3429-222X

Head of Judaic-Slavic Center, Institute of Slavic Studies, RAS
119334, Russia, Moscow, Leninsky Avenue, 32A,
E-mail: vicmoc@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3356.2025.10

Abstract. The Russian-Jewish literature of the 1920s – exemplified by the novels of Ilya Ehrenburg, Matvey Roizman, and Yuli Berzin – depicted the Jewish layman caught in the whirlwind of dramatic change following the formation of the young Soviet state. This article analyzes the reactions of apolitical Jewish characters to this new reality, exploring their diverse adaptation strategies or attempts to escape them. These strategies range from social mimicry and the adoption of new social norms to the use of ideological clichés and Soviet linguistic stylistics. In the spirit of the picaresque tradition, these characters demonstrate a chameleonic ability to shift their roles and activities swiftly. The most radical response to the transformed conditions is emigration, portrayed through their more or less successful attempts to leave the country.

Keywords: *Russian-Jewish literature of the 1920s, novels by I. Ehrenburg, M. Roizman, Y. Berzin, strategy of adaptation of apolitical character to politicized reality, social mimicry*

Reference for citation: Mochalova, V. V., 2025, *Evreiskii obyvatel' v vikhre mirovykh peremen* [The Jewish Layman in the Whirlwind of Global Change]. *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 178–200. DOI: 10.31168/2658-3356.2025.10

References

Blum, A. V., 2003, *Zapreshchennyye knigi russkikh pisatelei i literaturovedov 1917–1991: Indeks sovetskoi tsenzury s kommentariyami* [Banned Books by Russian Writers and Literary Scholars 1917–1991: An Index of Soviet Censorship with Commentaries]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet kul'tury i iskusstv, 404.

- Egorov, N. V., 1978, «Mertvye dushi» i zhanr plutovskogo romana [Dead Souls and the Genre of the Picaresque Novel]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 37, 1, 31–36.
- Frezinskiy, B., 2013, *Ob Ilye Erenburge (Knigi. Lyudi. Strany)* [About Ilya Erenburg. Books. People. Countries]. Moscow, NLO, 326.
- Kazak, V., 1996, *Leksikon russkoy literatury 20 veka* [Lexicon of Russian Literature of the 20th Century], transl. by E. Vargafitik et al. Moscow, RIK “Kultura”, 512.
- Markish, Sh., 2021, *Neproshedshee proshloe. Sobranie sochineniy Shimona Markisha* [The Unpast Past: The Collected Works of Shimon Markish], 5, 3, comp. Z. Hetenyi. Budapest: ELTE – MúMú, 361.
- Milenko, V. D., 2006, Evreyskiy tip v sisteme obrazov russkogo plutovskogo romana 1920-kh godov [The Jewish Type in the System of Images of the Russian Picaresque Novel of the 1920s]. *Naukovi zapysky Kharkivskoho natsionalnoho pedahohichnoho universytetu im. H. S. Skovorody*, 4 (48), Kharkiv, PPV “Nove slovo”, 79–87.
- Mochalova, V. V., 2007, Iscelenie, spasenie, izbavlenie v yevreyskoy traditsii i magicheskaya praktika (yevreyskiy obryad kladbishchenskoy svadby i ego slavyanskije paralleli) [Healing, Rescue, Redemption in Jewish Tradition and Magical Practice (Jewish Ritual of a Cemetery Wedding and its Slavic Parallels)]. *Narodnaya meditsina i magiya v slavyanskoy i yevreyskoy kul'turnoy traditsii* [Folk Medicine and Magic in Slavic and Jewish Cultural Tradition], ed. O. V. Belova, 89–109. Moscow, Sefer, Institut slavyanovedeniia RAN, 248. (Academic series, 21).
- Mochalova, V. V., 2019, Veshch' – simvol: migratsiya i transformatsiya syuzheta [A Thing – and a Symbol: Plot's Migration and Transformation]. *Kul'tura Slavan i Kul'tura Evreev: Dialog, Shodstva, Razlicia* [Slavic & Jewish Cultures: Dialogue, Similarities, Differences], 149–156. DOI: 10.31168/2658-3356.2019.9
- Pirozhkova, A. N., 2002, Babel' i Erenburg [Babel' and Erenburg]. *Voprosy Literatury*, 6, 319–341.
- Popov, V. V., 1997, M. A. Osorgin i I. G. Erenburg [M. A. Osorgin and I. G. Erenburg]. *Russkaya Literatura*, 2, 203–223.
- Rubashkin, A., 1989, Shveyk iz Gomelya (o romane “Burnaya zhizn' Lazika Roytshvanetsa”) [Schweik from Gomel (about the Novel “The Stormy Life of Lasik Roitschwantz”)]. *Zvezda*, 9, 170–173.
- Shcheglov, Yu., 2009, *Romany I. Il'fa i E. Petrova. Sputnik chitatelya* [Novels by I. Ilf and E. Petrov. Reader's Companion], 3rd ed., revised and supplemented. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 656.
- Sokolov, B., 1996, *Bulgakovskaya entsiklopediya* [Bulgakov Encyclopedia]. Moscow, Lokid-Mif, 586.